

Платон Иоселиани

**Путевые записки по
Дагестану**

В 1861 году

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
ПЗ7

ПЗ7 **Платон Иоселиани**
Путевые записки по Дагестану: В 1861 году / Платон Иоселиани – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 104 с.

ISBN 978-5-458-13235-0

ISBN 978-5-458-13235-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ПО ДАГЕСТАНУ

ВЪ 1861 ГОДУ.

10-го іюля.

Человѣкъ, по паденіи своемъ, осужденъ на странствованіе. Онъ именуется у священныхъ писателей и у философовъ пришлецемъ, странникомъ на землѣ.

Авель, сынъ Адама, первый мученикъ древней церкви: суетный по значенію имени, является въ суетномъ, пошатнувшемся подъ ногами его, мірѣ, избравшимъ себѣ занятіе скотоводства, подвижное, кочующее, странствующее.

Судьба Церкви или избраннаго Богомъ народа, представляется странствующею отъ земли рабства, перваго жилища сыновъ отца вѣры, до входа ихъ въ обѣтованную землю.

Въ томъ же видѣ странствующимъ является человѣкъ отъ времени полученія наслѣдія земнаго подъ сѣнію законовъ при Моисеѣ и отъ отрадной эпохи освобожденія его отъ узъ закона, отъ опеки закона и вступленія въ свободу благодати христіанской, до переселенія его въ царство за гробомъ.

Философы въ изысканіяхъ о мірѣ и человѣкѣ всегда твердили, что физическое и нравственное положеніе человека, не есть его нормальное и что, стремленіе стать на

точкѣ, съ которой онъ пошатнулся есть долгъ его непремѣнный, постоянный, обязательный. Съ этой стороны онъ является странникомъ по лабиринту міра духовному и физическому для отысканія пути къ первоначальному его стоянію и пребыванію въ своемъ родовомъ достояніи.

Сами храмы древняго, истиннаго и неистиннаго вѣрованія въ эмблему странствующаго человѣческаго значенія, получили издревле видъ и фигуру корабля, волнующагося надъ зыбкой пучиной водъ и подъ безконечной пучиной вѣчно движущихся воздуха и эфира, — атмосферной жидкости, въ которой плаваютъ міриады солнечныхъ системъ.

Ковчегъ Ноя, первый извѣстный исторіи корабль, былъ церковью сохраненнаго отъ потопнаго разрушенія челоуѣка. Онъ есть значеніе обновленной церкви со всѣми свойствами странствующаго ея значенія.

Отъ этихъ прямыхъ началъ происходитъ особенная наклонность, обращаема часто въ страсть къ путешествіямъ. Дальній горизонтъ, невидѣнные мѣста, какъ идеальные сады Алкіона, потрясаютъ сердца и двигаютъ ихъ, магическою, не отрапной силой, къ отечеству Платоновъ, сѣдалищу сильныхъ, царству Крезовъ, таинственной Оивайдъ, гордому Вавилону, Пальмирѣ, — царяцѣ городовъ Востока.

Не движеніе ли вообще составляетъ основу жизни? Не изъ переходовъ ли стихій, однѣхъ въ другія образуется жизнь и проявляются роды и виды существъ? Не странствуютъ ли птицы и животныя? Не странствуютъ ли камни и сѣмена отъ растительнаго царства? Законъ одинъ и общій для двигающихся міровъ и ихъ обитателей, отъ органическаго до неорганическаго творенія.

Правда, что преступленіе, осудившее челоѣка на упадокъ его душевныхъ, а за тѣмъ и физическихъ силъ, отняло у него всѣ права господства надъ внѣшней природой, на подземныя и надземныя ея сокровища, отсѣкло у него физическія и умственныя крылья для общенія съ мірами пространствъ небесныхъ и духовными ихъ обитателями; за всѣмъ тѣмъ по высотѣ его духа, не лишенъ возможности нисходить въ нѣдра земли и восходить къ небесамъ, мѣряться въ силахъ съ механическими и нравственными силами существъ наполняющихъ твореніе и въ общій гимнъ славы уму ихъ создавшему внести пѣснь благоговѣнія сердечнаго для смиреннаго возвышенія къ Богоподобію. Въ этомъ заключается его, какъ міроваго странника, высокое призваніе.

И ему ли, владыкѣ міра, царю планеты, помазаннику природы, не знать богатствъ и предѣловъ своего царства? Ему даны ключи отъ сокровищъ міра не для одного только храненія.

Какъ ни болѣзненъ сынъ Адама, сокрушенный грѣхами, какъ ни шатко его болѣзненное стояніе на тронѣ горъ высокихъ, колеблемомъ воздухомъ и водами, почувствовавшимъ тяжелое паденіе своего владыки отъ гнѣва раздраженныхъ небесъ, но ему осталось утѣшеніе странствовавшего по пустынѣ Израиля, путями розысканій, изученія міра и въ немъ самаго себя, какъ центра крайнихъ точекъ огромнаго міроваго круга, достучаться дверей потеряннаго отечества и войти въ свое святилище; однимъ словомъ стать на той точкѣ, съ которой онъ брошенъ.

Мнѣ предложили мысль о совершеннѣйшѣмъ путешествіи въ

Дагестанъ. Я покорился влеченію сердца, ищущаго по натурѣ своей въ странствованіи пищи для ума и сладкихъ часовъ душевнаго отдыха. Я рѣшился на этотъ подвигъ путешествія, награждающаго вообще человѣка свободою движеній идеальныхъ, оживляющихъ, освѣжающихъ, расширяющихъ существованіе, обновляющихъ, улаживающихъ и прокладывающихъ путь къ поэзіи. Пріятно, съ посохомъ странника въ рукахъ, хожденіе по Дагестану, неразгаданной части Кавказа, гдѣ недавно еще боролся Геркулесъ съ Антеемъ исполиномъ, и гдѣ, усмиренное и побѣжденное чудовище заставлено слышать въ смиренномъ молчаніи сладкіе глаголы гражданственности, достойной человѣка,—музыку небесную на землѣ.

Дагестанъ,—это часть великой книги природы. На первозданныхъ горахъ его, какъ на листахъ книги, читается исторія допотопнаго міра о скелетѣ земнаго шара и исторія попотопнаго образованія. Весь этотъ горный край есть огромная развалина отъ великихъ потрясеній, которымъ подвергалась наша планета. Ею горы, ущелья, долины, рѣки, лѣса и подземелья, есть іероглифы древняго письма исторіи природы, свободно читаемой нынѣ при совершенствѣ наукъ геологами и геогнозами. Чтеніе этой священной книги разоблачаетъ и древніе мімы, поселившіе боговъ на высотахъ Олимпа и низводившіе ихъ въ царство мраковъ подземнаго міра и упоительныя сказанія объ Аркадіи, странѣ свободы счастливой и сладкихъ вдохновеній уединенія философовъ.

Горцы есть бѣглецы отъ семейнаго общества человѣческаго. Они заперлись въ горахъ, какъ всемірной крѣпости.

сти, удаливъ отъ себя всякое покушеніе челоѣка подойти къ ея крѣпкимъ стѣнамъ. Въ этой ихъ горной странѣ, какъ великой книгѣ древняго оракула, изучили они по естественнымъ внушеніямъ нужды — наставницы народовъ, все возможно необходимое для существованія, самосохраненія и удовольствія.

Историкъ ищетъ начала народовъ. Его найдутъ развѣ за предѣлами міра, пишетъ ученый Гейне, *extra anni solisque vias*. Но на высотахъ Дагестана, точно видѣнъ слѣдъ полета голубицы Ноя. По всему пространству его, какъ обширной гробницѣ, историкъ прочитаетъ судьбу первобытнаго челоѣка, ходъ древнѣйшаго народа, извѣстнаго и Страбону подъ нынѣшнимъ названіемъ Лекп (*leghe*) (Ἰνδοί), оторваннаго отъ семейства рода челоѣческаго и заброшеннаго туда, или преобладаніями исполнновъ библейскихъ, или народною скорбію отъ эпидемій, пожиравшихъ родъ челоѣческій, или естественнымъ державнымъ правомъ той свободы, которую ищетъ челоѣкъ отъ роковаго момента своего грустнаго паденія съ высоты своего существованія и не находитъ ее.

Въ видахъ изученія Дагестана, наука указываетъ путешественнику, для объясненія физическихъ явленій, слѣдить за надоблачными высотами его горъ, гдѣ куются громы, отъ куда сверкаютъ молніи и несутся градъ и дождь; видѣть тотъ перстъ, который движетъ стихіи въ ихъ небесномъ и земномъ сочетаніи; осязательно взглянуть на горахъ и въ горныхъ разлогахъ на образованіе рѣкъ, наполняющихъ моря и океаны, однимъ словомъ снять часть той завѣсы, которою прикрыта Изида, мать природы. Эти и по-

добныя явленія природы Дагестанской были причиною, что первобытный человекъ Кавказа явилъ въ себѣ духъ пытливости,—начальный шагъ генія. Самое понятіе о свободѣ и возможномъ ея ограниченіи по условіямъ общества, произвело у него, тотъ образъ правления, который введенъ въ этихъ мѣстахъ на изумленіе правителей народныхъ. Это—судъ гласный, народный, публичный Дагестана, тщательно поддерживаемый мудрымъ его правителемъ.

По указанію этого правителя совершенно мое путешествіе по Дагестану. Ему, какъ меценату подносится мой трудъ путевыхъ впечатлѣній, вызванный имъ же въ печать и на судъ общій, изъ подъ слабаго моего пера.

11-го іюля.

Отъ Тифлиса—столицы Кавказа, которому Вольней даетъ довременное исторіи существованіе и въ названіи котораго (*теплаго-ოვანო*) отъ сѣрныхъ минеральныхъ водъ звучитъ грузинское его происхожденіе, — мы быстро явились въ урочище «Царскіе Колодцы».

Въ устахъ Грузинъ, мѣстность эта на плоской возвышенности горы, именуется *родникомъ, ключемъ царицы* (*დედოფლისწყარო*). Полчища изъ Турана, во дни опустошительнаго своего шествія по Грузіи при Чинхисѣ, дали ему названіе Тукуръ — мшша. Мѣстность, богатая обширными вокругъ пастбищными пространствами, служила лагеремъ для конницы и скота, кочевавшихъ орды грознаго для міра завоевателя.

Персы, послѣ Шахъ-Аббаса, избрали этотъ пунктъ, богатый водами, для резиденціи своихъ правителей подъ названіемъ хановъ. Эти ханы въ продолженіи полутора вѣка, подъ защитою персидскаго гарнизона, наблюдали за дѣйствіями Кахетинскихъ царей, восходившихъ на христіанскій тронъ, съ принятіемъ магометанской вѣры и съ перемѣною имени.

Вѣрная вѣрѣ предковъ Кахетія, грозно смотрѣла на тайную политику персидскаго двора, союзомъ вѣры связать съ собою царство Грузинское. Ханы съ трудомъ проникали въ христіанскую Кахетію, а цари-магометане являясь въ резиденцію хана выражали имъ мнимую преданность народа. Въ это злополучное время явились постройки и укрѣпленія во кругъ, на остаткахъ которыхъ водворились Турки въ 1724 году. Власть Турокъ, тревожимая Дагестанцами и Кахетинцами, сокрушена Надиръ-Шахомъ. Вочаренный въ Кахетіи царь Ираклій II, уже послѣ Надира разрушилъ минареты клика ислама и не раньше, какъ съ 1810 года, на развалинахъ персидскихъ и турецкихъ построекъ явился городокъ военной стоянки Нижегородскаго драгунскаго полка, позднѣе потомъ штабъ-квартиры Тифлискаго пѣхотнаго полка. *Царскіе-Колодцы* строятся еще. Это послѣдній пунктъ населенія для Кахетіи. За нимъ начинается обширная Ширакская долина, богатая для хлѣбопашества и роскошная для скотоводства. По долинѣ этой безлѣсной, протекають мертвымъ теченіемъ двѣ рѣки—Алазань и Іора, Алозани и Камбизена греческихъ и римскихъ географовъ. Мѣста ихъ теченія, до соединенія ихъ, извѣстны подъ общимъ именемъ Упадаръ (უპადარო). На нихъ были поселены орды монголовъ, которые разсѣявшись по разнымъ мѣстамъ оставили за собою названіе своимъ поселеніямъ *Муганлы, Мугало, Магалъ*. Убийственный климатъ и мечъ грузинскій, то покорили ихъ своей власти, взявъ ихъ въ рабы или въ крестьянство, или же загнали ихъ въ горы. Въ послѣдствіи, спустившіеся съ горъ Лезгинны, извели укрывшихся тутъ монголовъ и образовали изъ себя два

сильныхъ общества или двѣ республики: Чарское и Бѣлоканское. Подъ крыльями скалъ Кавказа эти республиканцы, сдѣлались воинственными, грозными для Кахетіи. Въ 1803 году, громъ русскаго оружія присмирить только ихъ, а въ 1830 году окончательно покорилъ ихъ общей власти Русскаго владычества.

12-го іюля.

Правый берегъ р. Алазани пустынный, безводный, лѣтомъ жгучій, какъ пески Африки, терпимъ населеніемъ *Муганловъ* и *Алмало*, остатками отъ полчищъ Чингиса, только отъ сентября до мая мѣсяца. Въ лѣтніе мѣсяцы они кочуютъ на горахъ съ своими стадами. За то лѣвый берегъ, до крѣпкихъ стѣнъ Закаталь, подъ щитомъ Кавказа, является отраднымъ царствомъ для лѣсовъ, садовъ, шелковичника, травы, хлѣбопашества, рисосѣянія. Богатое роскошною растительностію пространство, отъ рѣки до гнѣзда республики, извѣстное подъ именемъ Чари (ჭარი) на протяженіи 18 верстъ, а въ ширину около 7 верстъ, всегда считалось собственностію Закатальскихъ Лезгинъ.

Въ 5-ти верстахъ отъ Закаталь, церковь съ куполомъ времени царя Леона, сиротствуетъ въ продолженіи 300 лѣтъ. Послушные грузинскимъ царямъ Джарцы, не смѣли тревожить бывшее во кругъ церкви христіанское населеніе. Не раньше какъ при царѣ Константинѣ отце-убійцѣ и братоубійцѣ (въ 1604 году), измѣнникѣ вѣрѣ, передавшемъ все христіанство здѣсь и ниже въ Элисо въ подданство и рабство султану Элисуйскому, закрыто Богослуженіе въ стѣнахъ устоявшаго до нынѣ храма. Другія населенія Грузинъ ниже Закаталь въ числѣ 40 деревень мечемъ и насиліемъ ислама обращены въ магометанство подъ названіемъ Ингилойцевъ или *прозелитовъ, новообращенныхъ*. Отрѣзанные отъ политическаго единенія съ Грузинами Ингилойцы,